

Было время, когда иркутяне перед красноярцами куражились, называя себя сибирским Петербургом, и бытовало мнение, что Красноярск — город ремесленников, а Иркутск — город художников. Но в Красноярске задолго до иркутского памятника казакам-строителям был поставлен памятник основателю города дворянину Андрею Дубенскому, а в Иркутске до сих пор продолжается треп о моральном облике Ивана Ивановича Похабова, не жалуют критики-жалобщики и Якова Ивановича Похабова, с енисейскими казаками построивших Иркутский (Яндашский) острог. А ведь они исторические отцы города, которых следует глубоко почитать по Библии, талмуду и другим религиозным законам.

Не повезло Иркутску с его нынешней интеллигенцией, хотя в любви к своему городу коренных иркутян упрекнуть нельзя. Так уж повелось по традиции, заведенной в XVIII веке европейцами, служившими в Российской Академии, что все плохое и сомнительное о русском народе у нас принимается на веру с полуслова, а все хорошее и героическое нужно дотошно доказывать. Как мне представляется, незаслуженными намеками и туманными обвинениями до сих пор принижен образ первого известного строителя зимовья на Дьячем острове, строителя Култукского острога, первого служилого человека, побывавшего в Забайкалье, сына боярского, казачьего головы (полковника) Ивана Ивановича Похабова. Следом за ним, неприязненная тень брошена и на сына боярского Якова Ивановича Похабова.

К сожалению, фрагментарное изучение истории России в школах и вузах, а также столичный снобизм по отношению к истории Сибири на ученом уровне, не лучшим образом сказываются на самосознании сибиряков. Кроме фундаментальной «Истории Сибири», изданной Академией наук СССР, в XIX и XX веках, за два последних века, было написано больше десятка «Историй Сибири». Среди них есть труды потомственных сибиряков, и почти во всех этих книгах об Иване Похабове повторяется приставшая к нему сентенция, дескать, даже на фоне обыденной жестокости XVII века, жестокость Ивана Похабова производит впечатление. Сомнительно уже то, что россиянину, жившему в XVII веке, XX век показался бы гуманным. Но это отдельный разговор.

Мнение об Иване Ивановиче Похабове впервые письменно изрек на немецком языке Иоган Фишер, российский ученый XVIII века. В переводе на дворянский жаргон русского языка того времени, он написал: «В 1658 год для жестокости балаганского управителя Ивана Похабова произошло всеобщее между тамошними Бурятами возмущение, которые, убив присланных к ним россиян, из своей земли разбежались». Никаких пояснений, никаких ссылок и описаний жестокостей у Фишера нет. В другой раз он так же лаконично и ошибочно называет Ивана Похабова строителем Иркутского острога. Между тем, вот уже больше двухсот лет это суждение кочует из одной исторической работы в другую, его повторяют, не перепроверяя, не задумываясь, на каком основании оно было сделано.

Для читателей, далеких от исторической науки, поясню: в XVIII веке, по заданию правительства и под покровительством всесильного тогда графа Разумовского, ученый Санкт-Петербургской Академии наук Герард Миллер собрал все

известные сведения и материалы о Ермаке, затем проехал по острогам Сибири и сделал копии хранившихся там документов.

Часть списков он опубликовал в приложениях к своей «Истории Сибири». Его книги по большей части трактуют и объясняют эти скопированные им документы. Но «История Сибири» Миллера заканчивается на событиях, относящихся к началу русского периода Восточной Сибири. Документы приложений к ней не упоминают ни о строительстве Иркутска, ни об Иване и Якове Похабовых. Опубликованы собранные Миллером документы были частично и выборочно, а подлинные списки, которые сделал ученый, и которые благодаря ему сохранились, хранятся в госархиве Санкт-Петербурга, в фонде «Портфель Миллера».

Другой ученый немец того же века, тоже член Санкт-Петербургской Академии наук, профессор древностей и истории Иоганн Фишер написал пятитомную «Сибирскую историю... сочиненную на немецком языке и в 1774 году изданную...». В отличие от своего современника и предшественника, профессора Миллера, Фишер не ссылался ни на какие источники, излагая свою версию нашей истории. И если о жестокости Ивана Похабова он упоминает бездоказательно и мимоходом, то о жестокости Василия Колесникова или Ерофея Хабарова пишет довольно обстоятельно.

Писал Фишер свою историю Сибири не по догадкам и не по наитию, но использовал «портфель» Миллера. Приказчика Братского острога Ивана Похабова он называет «балаганским управителем», что, кстати, часто повторяется и в работах современных историков. Основанием для нелестного высказывания об Иване Похабове для Фишера послужили, видимо, списки с трех челобитных, отправленных Енисейскому воеводе с жалобами на приказчика Братского острога Ивана Похабова. Эти жалобы в современной орфографии опубликованы в «Сборнике документов по истории Бурятии XVII век», Улан-Удэ, в 1960 году, книге редкой, но доступной. Случай с Иваном Похабовым, когда на приказчика одновременно жаловались служилые, пашенные крестьяне, ясачные мужики и даже поп — случай редкий, но что же там произошло?

Поп жаловался, что приказчик отобрал у церкви дом, который подарил ей зимовавший в Братском остроге Афанасий Пашков. Служилые жаловались на жестокость приказчика, пашенные — на поборы, ясачные — на грубость. Как мне представляется, для профессиональных исследователей и любителей истории, которые знают обычный стереотип «наказной памяти» воеводы приказчику в XVII веке, вполне понятно, что в действиях Ивана Похабова не было каких-либо должностных преступлений.

Глава забайкальской экспедиции, перезимовав в Братском остроге, подарил церкви свои дома, построенные в отдалении от укрепленных стен. Следующей зимой, при приказчике Иване Похабове, в улусах появляется много монголов, буряты убили трех сборщиков ясака, ясачные роды вели себя вызывающе. Во время этой смуты приказчик Похабов отобрал у попа дома, и их материалом укрепил обветшавший Братский острог. Благодаря жестким, но разумным действиям Ивана Похабова, весной 1658 года (когда жалобы были уже тайно отправлены в Енисейск) острог выдержал осаду многочисленного войска.

Жалобы пашенных людей могли вызвать у воеводы того времени только усмешку. Они писали, что Похабов вымогал с них то овцу, то корову, у одного забрал икону, которую он нес на Илимскую ярмарку для продажи «по бедности своей». Отправляя приказчика на службу, воевода письменно наставлял его следить, что-

бы крестьянин не пропивал, не продавал государеву суду, не отлучался от дома без разрешения, тем более, на ярмарку. Как и положено приказчику, Иван Иванович не позволял пашенным людям пропивать данное им на «завод» государево имущество и отлучаться на ярмарку. Более того, как приказчик острога, при котором были государевы пашенные люди, он не получал жалованья, но был на прокорме у крестьян.

Москва и Сибирский приказ требовали в то время от воевод и от приказчиков «план» по рухляди. И Похабов «на приказе в Братском остроге» обязан был собрать ее больше своего предшественника, «с прибылью». Он требовал с ясачных, как с него требовали и воевода, и Сибирский приказ, по пять-семь соболей со взрослого мужчины, а не сколько дадут, как было заведено в прежние годы. Насколько необременителен был ясак, можно судить по тому, что средний конь стоил пятнадцать соболей, а коней каждый степняк имел множество. То, что старшины родов принесли приказчику вместо оговоренной рухляди плохих лис, было обычным для того времени вызовом казакам и предтечей нападения на острог. Это понимали и служилые, и сами ясачные. И все же они подали жалобу, организованную кем-то из казаков, обиженных приказчиком.

Казаков Иван Похабов, как и положено приказчику, удерживал от драк, пьянства, игры в зернь и карты. Судя по казачьей жалобной челобитной, он застал служилых во время драки, поножовщины и запрещенных игр. Единственное выходящее за обязанности приказчика преступление — это обвинение в том, что «имал на постелю чужих жен». Но без этого обвинения не обходилась ни одна жалоба того времени, и не потому, что все приказчики страдали чрезмерной потенцией, а потому, что такие преступления были недоказуемы. По справедливому замечанию известного историка Д.Я. Резуна, в XVII веке уж если писали жалобу в Сибирский приказ, то так, чтобы у читающих его дьяков волосы вставали дыбом. Иначе на нее не обращали внимания.

Примерно в то же время в Сибирский приказ подавались жалобы на Ерофея Хабарова, на казачьего голову Афанасия Пашкова, чуть позже на приказчика того же Братского острога Кафтырева. В сравнении с жалобами на Похабова они действительно производят впечатление. Но почему именно Ивана Ивановича Похабова историки XIX и XX веков избрали в качестве образца жестокости «дикого» XVII века?

На случайную, скорей всего, оговорку о Похабове И.Фишера, возможно, подтолкнуло то, что во время его работы над книгами Е. Хабаров был уже прославлен как герой Сибири. Приказчик Кафтырев, неизвестно как получивший чин сына боярского, да и саму должность, был европейцем. При «евроцентризме», бытовавшем в умах образованных людей XVIII–XIX веков самый захудалый европеец в России — был лучше русского человека. (И. Фишер и Г. Миллер, проживая в России и будучи в ней на службе, боролись за то, чтобы русских детей в Академию не принимали!) Афанасий Пашков был разрядным дворянином по московскому списку. Дворянский чин в XVII веке был еще просто чином, а не сословием, но во времена работы Фишера над «Сибирской историей» российское дворянство почти сравнялось с европейским в правах и получило исключительные сословные и потомственные преимущества перед народом. Таким образом, самый скромный в донесениях о своих заслугах, нелюбимый казаками за то, что не крал сам и им не позволял обирать ясачных сверх государева обложения, ко всему — самый малооплачиваемый среди енисейских детей боярских, Иван Похабов стал символом русского зла в Сибири.

Не пытались оправдать Ивана Похабова и в «рабоче-крестьянском» XX веке, в котором советские историки провели грандиозную текстологическую работу, хотя работали в жестких условиях идейной цензуры. И более того... Не хотелось бы упоминать в контексте статьи имя великого сибирского ученого, историка и подвижника Алексея Павловича Окладникова, который внес огромный вклад в историческую науку Сибири. Но из песни слово не выкинешь. Нынешние непримиримые борцы за честь «покоренных» народностей Сибири по большей части опираются на его высказывания об Иване Похабове.

Очерки А.П. Окладникова по истории западных бурят-монголов были напечатаны в 1937 году. На мой взгляд, это самые слабые и самые заидеологизированные из его работ. В других статьях я не помню такого обилия цитат классиков марксизма и укоров в адрес дореволюционной России. Никаких новых фактов в образ Ивана Похабова ученый не внес. Он просто дотошно расписал и чувственно акцентировал внимание читателей на тех же самых челобитных, о которых сказано выше. При том автор постоянно оправдывался, что имя Ивана Похабова избрано им случайно, как «типичного русского завоевателя», что ничем не лучше его были атаман Иван Галкин, пятидесятник Василий Колесников, Курбат Иванов, Пашков, Кафтырев и другие колонизаторы помещичьего царизма.

Незадолго до 1937 года, кажется, в 1934 году, великий вождь изрек очередную мудрость, дескать, русский народ в неоплатном долгу перед всеми другими, угнетенными царизмом, народами России. А время было особое, когда именитые ученые попадали в лагерь только за то, что публично не восхищались тем или иным высказыванием вождя, публично не выражали ему своей личной преданности. Известно, что перед публикацией этих статей, из которых обычно цитируется только первая, про завоевателей, и замалчивается вторая, про монголо-бурят, над Алексеем Павловичем висела серьезная угроза ареста. Можно ли из нашего времени осуждать ученых, шедших на сделку с совестью, чтобы сохранить жизнь? Можно ли ссылаться на подобные их работы в поисках истины в наше время? Это решать и судить каждому в отдельности.

В целом Советская власть не объявляла сибирских казаков эксплуататорами и врагами классовой борьбы за светлое будущее. А в 1942–1945 годах, при том же самом вожде, за публикацию подобного взгляда на историю Сибири можно было схлопотать расстрельную статью, поскольку в тяжелом 1948 году широко отмечалась юбилейная дата похода под началом Семена Дежнева из устья Колымы в Анадырь. Всею свое время.

Между тем, судя по несерьезному лепету, которым современные авторы статей об Иване Похабове пытаются навязать сибирякам нелестный образ «завоевателя» и «завоевания», Ивану Ивановичу «шьют» «разжигание национальной розни». Вот где собака зарыта! *И в Российской империи, и в СССР, и в демократической России русскому человеку такое преступление не прощается.* Видимо, нужна была царским и коммунистическим идеологам историческая личность русской национальности, которую дозволяется ругать. И она нашлась. Для доказательств вины отца нашего города используются даже записи фольклориста Элиасова. В 30-х годах XX века он записал на Ольхоне воспоминания **забайкальского** бурята, предки которого триста лет подряд, из поколения в поколение, в виде преданий передавали память о жестокости Ивана Похабова (видимо, о его походе на Селенгу). Хотя, как известно по записям того же Г. Миллера, в XVIII веке в Сибири ни сибирские татары (тюркоязычные мусульмане), ни сами мон-

голы даже о Чингисхане не помнили. Можно ли в таких серьезных обвинениях доверять «фольклору»? В начале перестройки, видимо в надежде на получение грантов, на основе версий и домыслов, появились картины о насильственном крещении И. Похабовым аборигенов в проруби, множество статей, очерняющих его образ. Накал страстей защитников кочевых народов Сибири утих, но не затух и по сей день. Об этом можно узнать через интернет.

Георгий Борисович Красноштанов, киренчанин, историк, работавший в Московском архиве, издал три книги, уникальные по точности фактов и по новым, найденным им документам: «Никифор Романов Черниговский» и «Ерофей Хабаров», «Ленская пашня». От Георгия Борисовича, посвятившего жизнь изучению истории Сибири, знаю, что в госархиве, в фонде «Сибирского приказа», много челобитных, наказных грамот и памятей Ивана Похабова. Но основатель Иркутска остался в стороне от поисков Красноштанова — слишком велика наша история, одному человеку всего не охватить. Москвичей она не интересует, зажиточные иркутяне, живущие в столице, историей нашего города не занимаются, а рядовому иркутскому подвижнику, писателю или историку долгосрочная поездка в Москву, проживание и работа в столице так далеко не по карману, что надеяться не на что.

Но, благодаря сибирякам-подвижникам и Георгию Борисовичу — потому что первых ленских поселенцев — некоторые отрывочные сведения есть и у нас. И прежде, чем слепо доверяться фразе, брошенной ученым гастарбайтером XVIII века, давайте рассмотрим, что же происходило в Восточной Сибири во времена правления Ивана Похабова Приангарьем?

В начале пятидесятых годов XVII века русское население острогов этого края было потрясено рассказами Ерофея Хабарова и его соратников о Даурских землях. В 1653 году Хабаров ехал в Москву в сопровождении конвоиров-приставов, через Илимский и Енисейский остроги. Он сам рассказывал о Даурии красочней своих товарищей, а его богатые одежды были лучшим свидетельством его слов. Служилые, пашенные, промышленные и гулящие люди побежали на Амур малыми ватагами и отрядами в несколько сотен, как полк «воровского атамана Михайлы Сорокина». Русская Сибирь опустела. Воеводы ставили казачьи заслоны на пути беглецов, уходили и заслоны. В острогах в службу верстались все подряд, главным условием при крестоцеловании было «не бегать в Дауры».

В середине 50-х годов XVII века, после очередного охлаждения отношений с монгольским Алтынханом, отписки того времени отмечают в Братской степи множество «мунгальских людей» торговых и воинских. В Приангарье началась массовая откочевка бурятского населения за Байкал и в Ургу, чему поспособствовала очередная война енисейцев с красноярцами, межволостные разборки казаков, грабежи бегущих в Даурию ватаг, и, главное, антирусская политика Лоузана, сына старого Алтынхана.

Балаганский острожек в 1655 году осаждался «братами». В 1656 году в Братском остроге произошел бунт: пашенные и служилые, захватив оружие, бежали в Даурию. В 1657 умер Алтынхан, трижды принимавший подданство России и по законам того времени перелавивший сбор ясака с подвластных ему народов на русского царя. Своей смертью он развязал руки сыну. С большим войском Лоузан подходил к Томску. Монголы отовсюду зазывали к себе бурят и тунгусов-эвенков. На Оке, и в Братской степи даже среди верных ясачных родов начались беспричинные смуты.

В том же 1657 году, по пути в Забайкалье, в Братском остроге зимовал бывший енисейский воевода Афанасий Пашков. Описание жестокости этого человека

протопопом Аввакумом действительно «производит впечатление». Если неистовый старообрядческий апостол что-то и преувеличивал, то сам факт, что из 600 казаков, уходивших строить Нерчинский острог, в живых осталось полсотни, и добрый десяток был до смерти забит кнутами лично Пашковым, такой факт в то время «произвел впечатление» и на царя, и на Сибирский приказ. Известно, что ясачные люди Братского острога примерно в это же время побежали с мест своих кочевий, хотя вскоре частично вернулись. И в этот самый трудный для Братского острога год приказчиком в нем был поставлен И.И. Похабов. Тогда же на него были поданы челобитные жалобы, о которых говорилось выше. Твердой рукой он навел порядок в Братском остроге и укреплял его. С поданных острогу бурят, эвенков и карагасов сумел взять ясак полностью.

Весной острог был осажден большим войском бурят и монголов, но выдержал осаду. Челобитные с обвинениями приказчика были отправлены до осады, видимо, вместе с просьбой Похабова о воинской помощи и об опасности нападения, но втайне от него. Получены они были новым енисейским воеводой Максимом Ртищевым.

Воевода отправил в Братский острог смену казаков и приказчика, сына боярского Якова Тургенева, с тайным приказом сопроводить Похабова в Енисейский острог для разбирательств по жалобам. В отряде находился Иван Перфильев, сын ближайшего товарища Похабова, возможно, крестник Ивана Ивановича, один из первых иркутских жителей, человек, в дальнейшем широко известный своей порядочностью и честностью.

Телефонов, как известно, в то время не было. Отряд Якова Тургенева шел на перемену, ничего не зная об отбитой осаде Братского острога. На месте сын боярский Тургенев должен был во всем разобраться, но он не отменил воеводский приказ, то ли потому, что не желал спорить со старшим по должности, то ли по иным причинам.

Бояре Ртищевы при царе Алексее Михайловиче Романове занимали высочайшие государственные посты, но попали в опалу за верность старообрядчеству. Для человека этой фамилии (если Максим Ртищев был родственником боярам Ртищевым) его воеводство в Енисейске было ссылкой и наказанием. Сын боярский Яков Тургенев тоже был в опале, за предыдущие служебные неудачи. Здесь, наверное, и кроется отгадка, почему тот и другой желали тайно арестовать Ивана Похабова и повезли его с приставами в Енисейский острог. И воевода, и приказчик прекрасно понимали, что собрать ясак в том количестве, в котором собрал его Иван Похабов, они не смогут. На какое-то время можно было оправдать себя, обвинив в этом прежнего приказчика в откочевке бурят. Жалобы на него имелись. Оправдания в недосборе ясака могли быть временными, но пока тянулось разбирательство и переписка с Москвой, тот и другой обвинители надеялись поменять места службы и избежать гнева царя: дольше двух лет воеводы и приказчики на одном месте не засиживались.

Немолодого уже и заслуженного Ивана Похабова не могла привлекать перспектива сидеть в яме и ложиться под кнуты, доказывая свою правду. Кто-то сообщил ему о том, что его ждет в Енисейске. Скорей всего это был Иван Перфильев. Иван Иванович бежал в независимое от Енисейска Илимское воеводство. И действительно, вскоре был оправдан и властью, и своим окружением, но до сих пор остается под незаслуженным обвинением потомков, и в первую очередь — иркутян.

При приказчике Тургеневе из Братской степи откочевали последние ясачные роды бурят. Политическая обстановка на востоке Сибири была сложной. Забайкальские монголы платили дань китайскому богдыхану. Китай был на грани очередного развала, завоевания и смены монгольской династии императоров маньчжурской династией. Свободна, крепка и независима в то время была только Русь. И, как бы не относился царевич Лоузан к России и казакам, больше ни ему самому, ни бурятам опереться было не на кого. Особенно остро эта проблема должна была встать после смерти Алтынхана, когда началась междоусобица монгольских царевичей. И Лоузан прекратил воинские нападения на остроги, отправил к русскому царю посольство и вскоре принял присягу, подтвердив клятвы отца.

Посольство было отправлено в самом немирном и конфликтном 1661 году, в том самом, когда казаками Якова Похабова был заложен Иркутский острог. На том все прежние разногласия с бурятами и монголами закончились.

Но вернемся к обвинению в жестокости. В XVII веке христианизация и колонизация Сибири находились в противоречии. Сибирские митрополиты того времени благословляли миссионеров приводить все народы к вере: мусульман и буддистов через сложный обряд, который насильственно провести невозможно, язычников, по понятиям того времени — людей без веры, крестили как детей. В то же время царь своими приказами препятствовал этому и запрещал крестить инородцев, поскольку крещеный освобождался от уплаты ясака.

По законам того времени «ясырей», т.е. военнопленных служилые обязаны были отдавать на выкуп, а если их не выкупали — отпускать в улусы, у кого там есть родственники. Сохранились челобитные, в которых отпущенные на волю в приказном порядке умоляли царя остаться у прежних своих хозяев. Свобода и голодная смерть для них были однозначны. Таким образом, подлежащие продаже, как правило, были иноплеменными рабами у монголов и бурят. А продажа людей в то время была обыденным явлением, как среди русского населения всех сословий, так и среди инородцев.

По Российскому законодательству того времени, «холопить» и продавать на сторону можно было только единоверцев. Но вывозить купленных холопов сибирской породы за пределы Сибири запрещалось. Наверное, не совсем по церковному обряду совершался акт крещения язычников, перед тем, как ясыри продавались. Наверное, бывали случаи, когда ясыри, доставленные в остроги, а то и купленные в улусах, узнавали, что у иноверца на Руси прав больше, чем у христианина, и начинали торговаться или отказываться от крещения, забыв прежние обещания.

Холоп на Руси и в Сибири, будучи представителем самого бесправного социального слоя, в отличие от европейского раба, имел законные права и защиту. Сословного крепостного права еще не было. Ясырей покупали промышленные и пашенные люди. В крестьянском хозяйстве того времени они имели приличный вес. Часто крестили ясырей сами крестьяне и давали им свои фамилии. Много свидетельств тому, что, отработав определенный срок, ясырь сам становился крестьянином. Богатый казак ходил в бой с охраной из двух, а то и из трех вооруженных ясырей, которые нередко и сами приверстывались в казаки.

При острогах были так называемые «крепостные столы», которые ведали домашним холопством. Среди таких «кабальных холопов», временных или постоянных, было предостаточно русских людей, взявших на себя кабалу. А среди ясырей преобладали не «тунгусы» и не «братья», а мужики и женки «мунгальской» поро-

ды, т.е. самого сильного и независимого от Руси народа. Это говорит о многом и развеивает всякие нелепые домыслы.

В завершение своей версии об отцах-основателях Иркутска, мне хотелось бы сказать, что бескровных объединений история не знает. Те же монголы, чтобы объединить свои разрозненные племена, пролили монгольской крови больше, чем в следующий век, завоевав полмира. Москва, чтобы объединить разрозненные княжества, часто с помощью монголо-татар, пролила русской крови больше, чем в противостоянии Востоку и Западу. Но из всех известных объединений, воссоединение Руси с Сибирью, или частичное восстановление прежней империи Чингисхана, было самым бескровным.

Не без споров и стычек, но огромная территория Урала, Сибири и Дальнего Востока была пройдена и объединена русскими служилыми людьми меньше чем за век. Одним героизмом первопроходцев такой феномен не объяснишь.

В челобитных и отписках приказчика Верхоленского острога Курбата Иванова не единожды упоминается, что среди бурятских племен добрая половина населения твердо поддерживала власть русского царя. Среди эвенков процент принимавших власть казачьего царя был еще выше. А границы России за Байкалом, по Нерчинскому договору, были определены с Китаем исключительно благодаря поддержке монголов.

Но это был еще только XVII век. В XVIII, дворянско-европейском, сибирские казаки стали самым бесправным населением Сибири. Сбор ясака с инородцев-иноверцев со временем уменьшался. Они были освобождены от воинской повинности и других податей, исполняемых русским народом, при том имели исключительные права на своих национальных территориях, судились своим традиционным судом (кроме убийств и антигосударственных действий).

На Алтае, во времена Екатерины II, появились «кержаки» — старообрядцы русского происхождения, приравненные к инородцам. В Якутии русские пашенные люди ассимилировали целыми деревнями до такой степени, что забывали родной язык. Те и другие считали свое социальное положение, приравненное к инородцам, великим благом и редким счастьем.

Отдельный разговор: кому во благо стали «русские завоевания» в Сибири, в Средней Азии, на Кавказе, и далее на запад до Финляндии, русской кровью освобожденной от шведского владычества? И какую благодарность получил за это русский народ?